

DOI 10.18522/2415-8852-2021-4-134-142

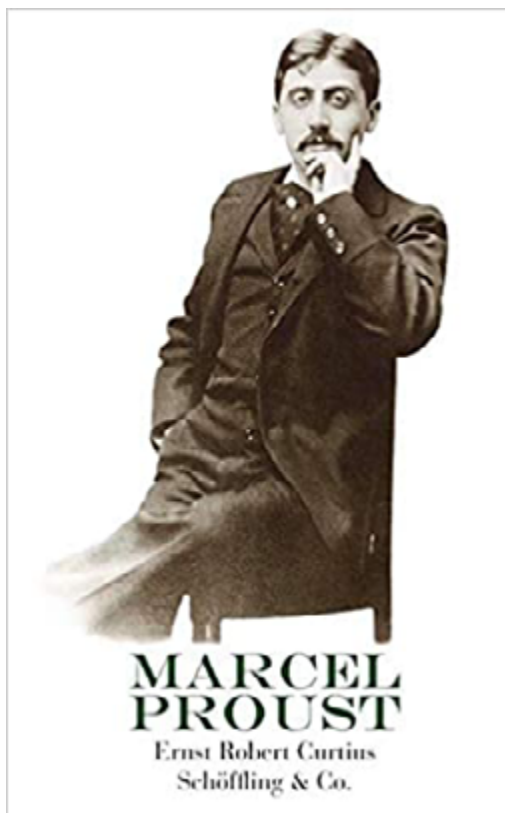
УДК 821.133.1 + 82.09

КУРЦИУС – ЧИТАТЕЛЬ ПРУСТА

Вера Владимировна Котелевская

кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: vvkotelevskaya@sfedu.ru

Аннотация. В эссе рассматривается книга немецкого филолога, исследователя европейской и французской литературы Эрнста Роберта Курциуса (1886–1956), посвященная поэтике Пруста и до сих пор почти неизвестная русскому читателю. Эссе «Марсель Пруст» вышло в 1925 г. и стало первым глубоким исследованием стиля, эпистемологических и эстетических воззрений Пруста на немецком языке. По проницательности и точности данное эссе Курциуса стоит в одном ряду с текстами первых критиков Пруста – Ортеги-и-Гассета, Бенямина, Набокова. Оно представляет собой аналитически ясное исследование мира и стиля Пруста, которое сегодня читается как пророчество. Поражают спокойствие и уверенность, с которыми немецкий филолог на столь близком расстоянии определяет «топосы» Пруста, которые сегодня мы с некоторой иронией вносим в арсенал *прустианства*.

Ключевые слова: поэтика романа, французская литература, модернизм, Эрнст Роберт Курциус, Марсель Пруст, «В поисках утраченного времени».

Полтора века назад родился Марсель Пруст. От его смерти нас отделяет век, но на карте культуры эта дистанция велика так же, как расстояние между Belle Époque и кватроценти – эпохами, которые постоянно сталкивают друг с другом Шарль Сван, способный разглядеть в слугах, облаченных в ливрею и завораживающих своей монументальностью, святых, расставленных в нишах соборов. Если учесть грядущие исторические катастрофы, революции в сфере техники и медиа, в особенности же беспрецедентное ускорение времени, чреватое «сокращенным пребыванием в настоящем» [Люббе], проза Пруста поистине старомодна. Этнос, прагматика чтения (и письма) изменились. Прустовская рефлексия, требующая приостановки настоящего – ведь только так можно погрузиться в чистую длительность, осуществить скрупулезный *труд по разматыванию жизни* (Мамардашвили), – осуществима сегодня лишь как маргинальный опыт. Речь не идет о том, что современник Пруста к такой созерцательности был способен больше – весь роман демонстрирует как раз невозможность замедлить время *в миру* и пережить его заново с иной интенсивностью и последствиями (именно поэтому, по Бергсону и Прусту,

только в искусстве, в аскезе эстетической вненаходимости дано обрести в полной мере такой уникальный опыт). Однако пребывание внутри прустовского романа исполняло мечту о переописании опыта. Воспитанный на темпоритме реалистической прозы, с ее тщательной инвентаризацией мира и аналитичностью, читатель эпохи *fin de siècle* был готов к медленной прозе Пруста, которая всего лишь развила до (не)мыслимого предела инструменты наблюдения – от панорамы до микроскопа. Пруст заострил сущностную черту новоевропейского романа, сформулированную Ортегой-и-Гассетом: описывать, а не повествовать. Бесконечно ширящийся, неохватный мир открывается у него не в размахе авантюры и географической экспансии, а в не чающей завершения попытке дать точный отчет об отношениях с предельно близким миром, с самим собой наконец¹.

Если обыватель, современник Пруста, не был готов к труду спонтанной памяти, то его современник-читатель – да. Сегодня такой читатель – редкое ископаемое, особенно если речь идет о поколении, родившемся или взрослевшем в эпоху новых медиа². К Прусту себя приходится готовить (в том числе на другой «медленной» прозе – Толстом, Томасе

---

¹ Одним из первых подобных опытов до Пруста можно считать дневниковый фрагмент Льва Толстого «История вчерашнего дня» (1851).

² Когнитивный труд сегодня направлен, скорее, на переработку, селекцию и комбинацию растущего вала информации, объем и семиотическую пестроту которой не могли себе даже вообразить современники Пруста.

Манне, Фернандо Пессоа), развивая умение терпеливо следовать за орнаментом фразы, двигаться по текстовому полотну без помощи фабульных сцеплений, монтажных (клиповых) скачков и распутывания (рубки) узлов, которые даже не завязываются; беспрестанно отвлекаться вместе с рассказчиком или персонажем на новый виток ассоциаций, уводящий в сенсорные или поэтологические лабиринты. Чтение Пруста сегодня сродни антикварной практике – коллекционированию, вышиванию, толкованию готической архитектуры или барочных аллегорий. Бальзак и Флобер «современнее» Пруста. Появление в 1998 г. первого графического романа Стефана Юэ по мотивам прустовского цикла («По направлению к Свану»)¹ свидетельствует об амбивалентной задаче – нарративизировать ризоматическую описательность «В поисках утраченного времени», адаптировав, стилизовав для этого плоскостный и паратактический, *быстрый* (эллиптический, в терминах Женетта) язык комикса. Без некоторой деконструкции популярного графического жанра «переводческие» потери при адаптации прустовского текста, который предстает «вечно растущим, расползающимся

ся, неспособным к завершению и оформлению» [Ласкина: 173]², могли бы быть невозможными.

Именно на несовместимость «грамматических» ожиданий современного молодого читателя³ с гипотаксисом, лабиринтообразным движением мысли французского модерниста указывает писатель Михаэль Клееберг – автор послесловия к новому переизданию книги **Эрнста Роберта Курциуса** (1886–1956) «**Марсель Пруст**» [Curtius: 168]. Размышляя о нынешнем восприятии этого первого немецкого эссе о Прусте, он задается двумя вопросами: кому сегодня адресован роман Пруста? что значит эссе Курциуса о Прусте в эпоху, когда, кажется, все о великом романе сказано, а сам он стал обязательной строчкой в списке шедевров, которые мало кто читает? Он сравнивает участь Курциуса с судьбой других первопроходцев-интерпретаторов, незаслуженно оставленных сегодня в тени, – Стюарта Гилберта, интерпретатора Джойса, Жана-Ива Тадье, исследовавшего прозу Пруста. Сюда следовало бы добавить имя Жака Ривьера, редактора знаменитого в период между двумя мировыми войнами журнала “La Nouvelle Revue Française” – одним из пер-

¹ Затем был издан графический роман на сюжет «Под сенью девушек в цвету».

² См. о *трудностях перевода* – анализ взаимовлияния языков комикса и нелинейного нарратива модерна в статье: [Ласкина].

³ Речь в особенности идет о поколении зумеров, осваивавших язык на фоне активного потребления креолизированных текстов, гипертекстов, видеороликов.

вых оценившего необычный талант Пруста, а по смерти писателя выпустившего мемориальный номер – оммаж мастеру¹.

В свою очередь, русскому читателю эссе Курциуса по-прежнему, спустя почти век², неизвестно³. Деятельность немецкого филолога, специалиста по европейской и французской литературе, автора блестящих исследовательских эссе о Бальзаке, Джойсе, Жиде, известна у нас узкому кругу специалистов, и в основном в связи с его знаменитой монографией, *opus magnum*, о латинской литературе и европейском Средневековье. Первое ее издание вышло в Германии в 1948 г., затем, в 1953 г., было опубликовано дополненное отредактированное. Русский перевод этого второго издания вышел лишь в 2021 г. [Курциус], что, бесспорно, увеличивает шансы более широкого знакомства с творчеством Курциуса. Однако до сих пор имя Курциуса у нас связывают почти исключительно с разработанным им понятием топоса и с антично-средневековой топикой в частности⁴. Между тем по проникательности, эстетической и эпистемологической глубине эссе немецкого филолога заслуживает занять место в ряду таких конгениальных – первых – чита-

телей Пруста, как Ортега-и-Гассет, Беньямин, Набоков... И, несомненно, этот 160-страничный текст еще ждет своего переводчика на русский язык.

Бросая короткий взгляд на книгу Курциуса о Прусте, нельзя не подметить подспудной (книга об античной топике – только в замыслах) связи с идеей эпохи – выявлением перекличек стремительно несущейся в будущее, поистине футурологической современности с коллективно-архетипическим. Кемпбелл и Юнг, Аби Варбург и Панофски, Элиот и Джойс, наконец, Беньямин, с его «пониманием истории» как фантазмагорического «спасения», оживления прошлого в материальных образах настоящего – их творчество проникнуто мыслью о циркуляции сквозь эпохи, вечном возвращении коллективных символов, мотивов, «формул пафоса» (Варбург). Курциус осторожно связывает прустовские экскурсы в коллективную эстетическую память с французским «классицизмом» [Curtius: 51–55], подразумевая под ним уважение к традиции, внимание к наследию старых мастеров, накопление и наслоение «выразительных форм богатой литературной

¹ См. диссертацию, посвященную Ривьеру-критику и интерпретатору Пруста в особенности: [Paré].

² Оно опубликовано в 1925 г.

³ Бесспорно, оно известно специалистам и некоторым читателям, ознакомившимся с ним в английском переводе.

⁴ Показательны в этом плане, например, работы А.В. Михайлова, А.Е. Махова.

культуры», склонность украшать «современные ситуации цветами воспоминаний» [Curtius: 51]. Индивидуальная память черпает из коллективной сокровищницы. Персонажи оживляют, словно спасая от музеефикации, самые разные артефакты и образы. Так бабушка Марселя не может отправиться в путешествие без писем мадам де Севинье к дочери, потому что для нее это не только удовольствие от «чистого и свежего языка семнадцатого столетия», но и воплощение «страстной материнской любви», которую она испытывает к внуку [Curtius: 52]. Курциус подмечает одновременно легкий юмор, иронию рассказчика, описывающего неистребимую склонность образованной французской публики жонглировать культурными символами в светской беседе, будь то за столом или в театральной ложе.

Так или иначе, Курциус прослеживает, как Пруст не только изображает, но и анализирует этот «ретроспективный» эстетический гедонизм, в котором таится опасность чисто «археологического» отношения к жизни, гипертрофированный дух «коллекционирования» [Curtius: 55]. Спустя почти век можно согласиться с наблюде-

ниями Курциуса: разве не ретроспективным в итоге стало искусство постмодерна? и разве не предвосхищал Пруст позднюю стадию «археологического» гедонизма, увлеченно создавая пастиши¹, возводя целые воображаемые картинные галереи в сознании своих персонажей? Вкус к традиции и стилизации движет, в частности, новыми аскетами Касталии Германа Гессе. Ирония судьбы в том, что спустя треть века после выхода в свет «В поисках утраченного времени» стиль Пруста сам отвердеет в топик, станет объектом пародийных стилизаций. Курциус, занимавшийся как реалистической классикой, так и модернизмом, не изобретая терминов-метафор (все-таки сказывается академическая сдержанность), через постижение романа Пруста выявил механизм «литературной эволюции», который так выразительно схематизировали русские формалисты: остранение – автоматизация – остранение.

Курциусу, при всем его академизме (он требует от «критика» работы с законченным целым произведением), не понадобилось ждать выхода последних двух частей романа, чтобы взяться за написание книги. Сказалось и желание выразить преклоне-

---

¹ Речь идет о сборнике “Pastiches et mélanges” (1919). Обратим внимание на увлечение этим игровым жанром у молодого Джойса, сполна отдавшего ему дань в «Улиссе» (ср. в особенности: эпизоды 13, 14, 17).² Оно опубликовано в 1925 г.

ние перед умершим мастером¹, и понимание нонфинализма этой романной формы: части уже выражают дух целого, а сам роман развивает, в свою очередь, более ранние художественные идеи [Curtius: 12–15]. Свою книгу он выстраивает в медленном и основательном ритме, двигаясь от масштабных тем («Искусство и познание», «Интуиция и выражение», «Преходящее и память») к конкретизации («Время и пространство», «Искусство и жизнь», «Созерцание», «Воля», «Жизнь и любовь» и др.). Так, анализируя роль созерцания в мире Пруста, Курциус отмечает важный принцип деления персонажей: созерцательным духом наделены герои, склонные к рефлексии и эстетизму (Марсель, Сван, Бергот), в то время как «волевыми» предстают персонажи вульгарные или же находящиеся в плену у своих страстей (барон де Шарлю). Выявленное впоследствии всеми исследователями Пруста разрушение «телеологической» модели романа (бальзаковского типа) раскрывается Курциусом через анализ культа *vita contemplativa*.

Особенный интерес представляют первые наблюдения над стилем, синтаксисом. В частности, он анализирует пристрастие писателя к вставным конструкциям, развернутым (не «французским» по духу и форме) сложнопод-

чиненным предложениям. Не менее важным наблюдением над стилем Пруста является схваченное исследователем свойство наделять описываемые артефакты и стили (например, мелодику Шопена или вымышленного Вентейля, произведения и поэтологические воззрения придуманных автором писателя Бергота, живописца Эльстира) свойствами собственной манеры и художественного мироощущения. Эти поэтологические эпифании действительно составляют одну из узнаваемых черт прустовского романа.

Эссе Курциуса, написанное с некоторой оглядкой на литературно-критический стиль XIX века, являет собой вдумчивое, аналитически ясное исследование мира и стиля Пруста, которое сегодня читается как пророчество. Поражают спокойствие и уверенность, с которыми немецкий филолог на столь близком расстоянии определяет все без исключения «топосы» Пруста, которые сегодня мы с некоторой иронией вносим в арсенал *прустианства*.

Литература

Курциус, Э.Р. Латинская литература и европейское Средневековье / пер. с нем. Д.С. Колчигина. В 2 тт. М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2021.

¹ На последнее письмо немецкого друга Пруст, признававший Курциуса одним из тонких интерпретаторов своего романа, уже не смог ответить – оно было отправлено 16 октября 1922 г., а 18 ноября Пруста не стало [Curtius: 136].

Ласкина, Н.О. Тайминг утраченного: рефлексия романного времени в комиксе по Прусту // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 170–185.

Люббе, Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем. под науч. ред. В. Куренного. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.

Curtius, E.R. (2021). *Marcel Proust*. Frankfurt a. M.: Schöffling & Co.

Paré, M.S. (1974). Jacques Rivière, critique de Marcel Proust. Ph. D. Thesis.

References

Curtsius, E.R. (2021). *Latinskaya literatura i evropeiskoe Srednevekov'e* (Kolchigin D.S., Trans.). [European Literature and the Latin

Middle Ages]. In 2 vol. Moscow: Izdatel'skii dom "Yazyki slavyanskoi kul'tury".

Curtius, E.R. (2021). *Marcel Proust*. Frankfurt a. M.: Schöffling & Co.

Laskina, N.O. (2020). Taiming utrachenogo: refleksiya romannogo vremeni v komikse po Prustu [Timing of the lost: a reflection on novel time in the Proust comic book]. *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], 1, 170–185.

Lubbe, H. (2016). *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem* [On the run of time. Shortened stay in the present] (V. Kurennoi, Ed. trans). Moscow: Izdatel'skii dom VShE.

Paré, M.S. (1974). Jacques Rivière, critique de Marcel Proust. Ph. D. Thesis.

CURTIUS AS THE PROUST'S READER

Vera V. Kotelevskaya, PhD, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: vvkotelevskaya@sfedu.ru.

Abstract. This essay examines a book by the German philologist, researcher of European and French literature Ernst Robert Curtius (1886–1956), dedicated to Proust's poetics. Almost unknown to Russian readers, the essay "Marcel Proust" appeared in 1925 to be the first in-depth German study of Proust's style, his epistemological and aesthetic ideas. In its insights and precision, this essay by Curtius is on a par with the critical writings of Proust's early critics, such as Ortega y Gasset, Benjamin, and Nabokov. It is an analytically transparent exploration of Proust's world and style, which reveals itself like a prophecy today. What is striking is the calmness and firmness with which the German philologist identifies, at such close quarters, the "topoi" of Proust that we today bring into the arsenal of Proustianism with a certain irony.

Key words: poetics of the novel, French literature, modernism, Ernst Robert Curtius, Marcel Proust, "In search of lost time".

